

## О новом издании договоров и завещаний русских князей XIV–XVI вв.

*Владимир Кучкин*

### **On the new edition of the treaties and testaments of Russian princes from the fourteenth through the sixteenth centuries**

*Vladimir Kuchkin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)*

В 1766 г. в Московском архиве Коллегии иностранных дел (МАКИД) начались большие работы по разбору и описанию архивных материалов, среди которых к последней трети XVIII в. накопилось много неразобранных бумаг. Уже через несколько месяцев после начала работ выяснилось, что в архиве сохранились уникальные источники по средневековой истории Руси. Сотрудники архива Н.Н. Бантыш-Каменский, М.Н. Соколовский и их товарищи по работе обнаружили древние завещания московских великих князей, начиная с Ивана Калиты, его детей и внуков и до прапраправнука Калиты Ивана III. Были выявлены многочисленные договоры, заключённые между собой князьями – потомками Ивана Калиты, а также этими потомками с правителями Тверского, Рязанского и Нижегородского княжеств, Новгорода Великого и Литовского государства. Многие грамоты были скреплены позолоченными серебряными великокняжескими печатями и восковыми печатями удельных московских князей, а на оборотах имели древние архивные пометы, указывавшие на содержание грамот или на их древний номер в великокняжеской казне-архиве, а иногда – на место хранения в этом архиве, например, грамота «из ящика 16, из сундука 10». Становилось очевидным, что в составе архива Коллегии иностранных дел среди других материалов содержатся документы московского великокняжеского архива XIV – первой четверти XVI в. Само внимание в течение нескольких столетий к сохранности таких документов свидетельствовало о важности и ценности их содержания. Действительно, ещё первым русским историкам из летописей было известно, что в 1375 г. после капитуляции осаждённого в Твери тверского великого князя Михаила Александровича Дмитрий Московский с ним «вземъ миръ на всей воли своей» (Львовская летопись). Когда в собрании МАКИД разыскали соглашение 1375 г., выяснилось, что текст договора состоит из 54 статей и намного подробнее лаконичного летописного сообщения. С обнаружением договора 1375 г. историки получили бесценный материал, позволивший воссоздать в деталях события 1375 г., оценить их влияние на последующее развитие княжеств Северо-Восточной Руси и всей Восточной Европы в канун Куликовской битвы. Исследования учёных XIX–XX вв. установили, что со временем к архиву московских великих князей присоединялись архивы их удельных родственников, в частности серпуховских и верейско-белозерских князей, архив дмитровского князя Юрия Ивановича после его ареста в 1533 г., архивы нижегородских князей, а после присоединения к Москве в 1485 г. Твер-

ского княжества – документы XIII–XV вв. тверского великокняжеского архива. В итоге ко второй трети XVI в. в московском великокняжеском архиве скопилось немало документов, относившихся не только ко временам правлений многих поколений московских великих князей, но и их удельных родственников, а также Рюриковичей других русских средневековых княжеств.

До нашего времени из документов древнего московского великокняжеского архива дошло около 130 различных грамот. Их основу составляют договоры, или, как их называли в старину, докончальные грамоты. Примерно в четыре раза меньше грамот душевных, или духовных. Так в Средние века на Руси назывались завещания. Первая группа грамот (договорные грамоты, или просто договоры) по содержанию делится на две части: 1) договоры внешнеполитические, которые заключались суверенными правителями между собой; 2) договоры внутривластные, которые заключались в рамках одного княжества, в частности Московского, великими князьями московскими со своими удельными родственниками.

Рассмотрение договоров московских князей XIV–XV вв. с правителями других русских княжеств, Новгородом Великим и Литвой обнаруживает их исключительную ценность как исторических источников. Указанные источники являются древнейшими внешнеполитическими договорами между княжествами средневековой Руси, а также Московского княжества с Литовским государством. Поэтому их структура, оформление и содержание важны не только сами по себе для характеристики того времени, когда они были составлены, но и представляют большой интерес как для понимания древнерусских междукняжеских докончаний более ранних XI–XIII вв., сведения о которых сохранили только летописи, так и для определения начал более поздних дошедших до нашего времени соглашений Русского государства со своими соседями в конце XV–XVI столетии.

Хотя большинство сохранившихся договоров носит двусторонний характер (ранние договоры 1318 и 1375 гг. между Москвой, Новгородом и Тверью следует относить к трёхсторонним), их содержание не сводится только к определению взаимоотношений между упоминаемыми в соглашениях сторонами. Договор 1318 г. Москвы, Новгорода и Твери затрагивал интересы ростовских, белозерских, возможно, ярославских князей, владения которых граничили с новгородской Вологдой. Договоры 1371–1399 гг. касались взаимоотношений договаривавшихся сторон с Ордой, великим княжеством Литовским, Тевтонским (Ливонским) Орденом, Смоленским, Рязанским и Пронским княжествами, русскими княжествами бассейна верхней Оки и Волго-Окского междуречья. По сути дела, эти соглашения имели значение для всех средневековых государств Восточной Европы и как источники важны не только для русской истории, но и для истории Золотой Орды и стран Балтии.

Как правило, межгосударственные договоры составлялись в острые, критические моменты. Договор 1318 г. был оформлен в то время, когда москвичи, новгородцы и псковичи сосредоточились на границе Торжка с Тверью и готовы были начать боевые действия против тверичей. Договор 1371 г. был заключён Москвой и Новгородом в ситуации, когда московскому князю Дмитрию Ивановичу грозила опасность потери великого княжения Владимирского, а Новгород, воевавший с Ливонским Орденом и Дерптским епископатом, подвергся неожиданному нападению только что получившего в Орде великокняжеский ярлык Михаила Александровича Тверского. Перемирие 1372 г. между Москов-

ским княжеством и Литвой было заключено во время их военного противостояния под Любутском. Мир 1 сентября 1375 г. Москвы и Новгорода с Тверью был подписан сразу после капитуляции тверского князя. Долгосрочное соглашение 1399 г. между Василием Дмитриевичем Московским и Михаилом Александровичем Тверским было оформлено в обстановке возраставшей угрозы агрессии со стороны объединённых сил Литвы, хана Тохтамыша, Тевтонского Ордена и Польши. И только договор 1381 г. Дмитрия Донского с Олегом Рязанским был заключён не в экстремальных условиях, хотя решал задачу чрезвычайную – замену в Рязанском княжестве администрации одного князя администрацией другого.

Естественно, что заключающиеся в конфликтных ситуациях договоры очень чутко реагировали на текущие, острые и животрепещущие события. Поэтому в межгосударственных соглашениях ярко отразилось отношение сторон к злободневным проявлениям политической жизни того времени, хотя они имели разную значимость и разные масштабы. Достаточно указать на упоминание пяти рублей, взятых у смердов одной из принадлежавших Новгороду новоторжских волостей тверским князем, до этого подорвавшим финансовое положение Новгородской республики двенадцатитысячной контрибуцией (договор 1318 г.); на недельный срок, который предоставлялся жителям побеждённой Твери для возвращения имущества, захваченного у людей московского великого князя (договор 1375 г.); на требование к литовскому великому князю Ольгерду не высылать до исправы из Ржевы московской администрации (договор 1372 г.); на титулование Дмитрия Ивановича великим князем всея Руси в договоре, заключённом в период, когда у московского князя отсутствовал ярлык нового ордынского хана на Владимирское великое княжение (договор 1371 г.); опущение великокняжеского титула тверского князя в перемирной грамоте 1372 г., хотя тверской князь имел ордынский ярлык на великое княжение.

В межгосударственных договорах можно проследить различные скрытые замыслы, дипломатические недомолвки и уловки, которыми заключающие соглашения стороны вуалировали свои истинные цели. Так, настойчивые требования договора 1318 г. о ликвидации владений и института закладников в Вологде, Бежецком Верхе и Торжке княгини Василисы, вдовы великого князя владимирского Андрея Александровича, а также владений и закладников Михаила Ярославича Тверского и членов его семьи, о передаче их земель новгородской Святой Софии прикрывали стремление московских князей самим закрепиться в указанных центрах – что и отразилось в более позднем новгородско-тверском договоре 1327 г. Оговорка в перемирной грамоте 1372 г. Дмитрия Ивановича с литовским великим князем Ольгердом о правомерности действий московских послов в Орде, якобы поступавших так, «как повелить» хан, заранее оправдывала акцию москвичей, выкупивших в Орде тверского княжича Ивана, доставивших его в Москву и там бросивших пленника в тюрьму. Внешне кажущаяся равноправной статья 17 московско-новгородско-тверского договора 1375 г. о невозвращении сторонами имущества, захваченного в результате военных действий того года, на самом деле санкционировала разграбление Тверского княжества войсками Дмитрия Московского и его союзников. Точно так же действовало московское правительство и в отношении Рязани, предав забвению всё взятое друг у друга до 2 августа 1381 г. и не раскрыв того, что в Рязани с осени 1380 г. правили московские наместники, а рязанский князь вместе со своим окружением скитался по пограничным с Рязанским

княжеством местам и ничего у москвичей отнять не мог (статья 15 договора 1381 г.). Заключённый в острой и сложной политической ситуации московско-новгородский договор «О одиначестве» 1371 г. в очень тонкой, действительно дипломатичной форме касался статуса договаривавшихся сторон, поскольку речь шла о взаимной военной помощи в борьбе с общими врагами, от которых следовало обороняться, но на которых нужно было и наступать. Традиционные отношения между великим князем и Новгородом были не равноправными, а сюзерено-вассальными, вассал не имел права начинать войну. Прямого упоминания этого стороны в 1371 г. постарались избежать, но намёки на верховенство московского великого князя – сохранить. Позднее, в договоре 1375 г., когда обстоятельства изменились, москвичи торжествовали победу над Тверью и на время нейтрализовали других своих врагов, Новгород Великий уже прямо был назван вотчиной московского великого князя, т.е. подчинённым ему.

Вместе с тем договорные грамоты фиксировали и другие существенные изменения в положении заключающих соглашения сторон, поскольку в этих документах, как правило, перераспределялась в пользу победителей часть территорий, прежде контролировавшихся побеждённой стороной.

На материале межгосударственных договорных грамот можно утверждать, что московская и вообще русская дипломатия XIV–XV вв. представляла собой развитый институт и дипломаты умели, когда надо, сглаживать в итоговых документах острые углы, уходить от прямого упоминания щекотливых фактов и обстоятельств, готовить почву для различных, порой далеко не праведных действий в будущем, придавая договорным статьям вид индифферентных установлений и превращая их в узаконенные нормы, принятые договаривавшимися сторонами и уже не подлежащие отмене.

Если попытаться оценить все те актуальные политические договорённости, которые нашли отражение в упомянутых договорах, то можно прийти к заключению, что соглашения начала 1370-х гг. отразили достаточно сложное положение московского правительства. Политика Москвы в отношении Новгорода Великого привела к тому, что московское влияние там упало, власть великого князя Дмитрия Ивановича пошатнулась, и с Новгородом, неожиданно оказавшимся в трудной ситуации, в 1371 г. пришлось заключать равноправный или почти равноправный договор. Перемирная грамота 1372 г. с литовским великим князем Ольгердом и его союзниками свидетельствует о том, что после длительной многолетней борьбы стороны договорились вернуться к прежнему положению вещей: Литве отходила захваченная у неё московскими князьями в 1368 г. Ржева, Москва возвращала себе занятые тверским князем (литовским союзником) земли великого княжества Владимирского; тверской князь сохранял за собой всю территорию Тверского княжества, другие союзники Литвы и союзники Москвы – свои владения. Очевидно, что начатая в 1367 г. борьба Москвы за выморочный удел клинского князя Семёна Константиновича, а по сути дела – за расширение своего влияния в Тверском княжестве и упрочение авторитета во всех русских землях, в которую постепенно оказались втянутыми Литва, Орда, Новгород, Смоленск, Рязань, Пронск, верховские княжества, княжества Северо-Восточной Руси, не принесла желаемых результатов. В течение пяти лет стороны, неся трудно восполнимые потери, вели эту борьбу, но в 1372 г. оказались не в силах её продолжать.

Примирение с Литвой в 1372 г. и возвращение к положению пятилетней давности москвичи использовали для создания широкой коалиции русских кня-



жеств, направленной главным образом против Орды, возобновившей сбор дани с населения русских земель. И когда в 1375 г. Михаил Александрович Тверской попытался с помощью Мамаю занять стол великого княжения Владимирского и начал военные действия против Москвы, он встретился с коллективным отпором князей Северо-Восточной Руси, Смоленского княжества, ряда приокских княжеств. Поражение Твери в 1375 г., закреплённое договором от 1 сентября того же года, показало, как умело московское правительство использовало объединённые силы своих союзников для окончательного утверждения за Дмитрием Московским и его потомством земель Владимирского великого княжества, сюзеренитета над Новгородом Великим, политического и военного контроля над Тверским княжеством, для ослабления позиций Литвы и Орды в Восточной Европе. Победа 1375 г. стала прелюдией победы на Куликовом поле.

Именно Куликовская битва, а не захват в 1382 г. Москвы Тохтамышем, как иногда утверждается в исторических исследованиях, привела к росту политического влияния Дмитрия Донского и возглавляемого им Московского княжества среди всех государств Восточной Европы. Московско-рязанский договор 1381 г. свидетельствует о расширении территории Московского княжества уже в первые месяцы после Донского побоища и указывает на возникшую несколько позднее тесную зависимость Рязанского княжества от московского великого князя, зависимость, которая была явно нарушена после похода Тохтамыша на Москву в 1382 г.

Московско-тверской договор 1399 г., ставший главным звеном в цепи антилитовских договорённостей всех русских князей, во многом предотвратил широкомасштабное наступление на русские земли литовского великого князя Витовта и его западных и восточных союзников.

ЗаклЮчённая в XV в. серия договоров московских великих князей с Новгородом Великим (1435, 1456 и 1471 гг.) показывает, как с помощью достигнутых договорённостей Василий II и Иван III расширили свои права в Новгородской республике (запрещение выдачи вечевых грамот; утверждение права великокняжеских наместников судить не только в Новгороде, но и в новгородских волостях; запрещение местного суда в мелких административно-хозяйственных единицах; запрещение сношений с Литвой), а затем Иван III, победив 14 июля 1471 г. новгородцев на Шелони и организовав большой поход на Новгород в 1477 г., сумел добиться полной ликвидации новгородской самостоятельности.

Направленные на устранение возникавших острых кризисов, договоры между правителями содержали также и установления иного рода, цель которых – стабилизация междукняжеских отношений на длительный период. Главнейшие условия такой стабилизации – сохранение за договаривавшимися сторонами их основных владений, нерушимость оговорённых границ, неизблемость прежних связей с союзниками, неизменность правил свободных торговых сношений между княжествами. Московская сторона требовала, чтобы в этих областях сохранялись нормы, установленные ещё при Иване Калите, т.е. при первом московском князе, длительное время занимавшем владимирский великокняжеский стол. Иными словами, московские дипломаты настаивали на соблюдении тех правил, что сложились или были выработаны в период крупных политических достижений московских Даниловичей. Михаил Александрович Тверской ссылался на обычаи времени правления своего отца Александра Михайловича, современника Ивана Калиты, и своих дядей – Константина Михайловича и Василия Михайловича. Таким образом, давность междукня-

жеских отношений, фиксировавшаяся в договорах, не уходила ранее начала второй трети XIV в., но она оставалась действенной даже 150 лет спустя. Московские правители не желали терять того, что было достигнуто их предками и оставалось полезным и перспективным для развития Московского княжества.

Договариваясь о прекращении конфликтов, определяя свои будущие отношения по установлениям прародителей, дедов и отцов, московские князья и их контрагенты в письменных dokonчаниях должны были озаботиться и собственным статусом, и положением жителей своих княжеств (как верхушки, так и рядового свободного населения), рассматривать проявления социального протеста и дела уголовного характера, затрагивавшие интересы договаривавшихся сторон. В таких случаях в договорах приводились ссылки не на времена ближайших предков, а на давность и старину. Так, сбор торговых пошлин должен был производиться «по старинѣ», «давнии пошлыи», «по старои пошлине». Судебные разбирательства относительно холопов, по имущественным и земельным вопросам вершились так, как было заведено «w<sup>m</sup> вѣка».

Становится очевидным, что рассматриваемые договоры отразили не только актуальнейшие события XIV–XV вв., политические традиции эпохи Ивана Калиты, его современников и преемников, но и пласт явлений значительно более раннего времени, что совершенно не оценено в историографии, хотя никакие другие источники не дают сведений по таким сторонам жизни XV и более ранних веков. Так, содержащаяся в письменных соглашениях характеристика договаривавшихся князей как братьев явно восходила к домонгольскому времени, когда в терминах родства стали определяться равноправные или сюзеренно-вассальные отношения между князьями. В XIV–XV вв. равные отношения обозначались термином «брат», относимым к каждому из договаривавшихся князей. Термины «брат старейший» и «брат младший» определяли неравенство сторон. «Брат младший» рассматривался как вассал «брата старейшего». Такая вассальная зависимость выражалась в запрещении вассалу самостоятельно вести войны и вообще в ограничении его внешнеполитической деятельности. Вопросы войны и дипломатии решал сюзерен – «брат старейший». Но в другие стороны жизни вассального княжества сюзерен не вмешивался. Давнюю норму отразила статья договорных грамот о свободе служения князьям бояр и вольных слуг. Впрочем, уже в XIV в. эта свобода и на практике, и в договорном праве стала ограничиваться.

Предусматривавшиеся договорами длительные мирные отношения между княжествами вызывали необходимость определённой регламентации деятельности рядового населения. Наиболее распространённой формой общения населения разных княжеств была торговля. Согласно межкняжеским договорам XIV–XV вв. гостям и торговцам предоставлялся «путь чистъ без рубежа», т.е. без всяких препятствий и границ, по территориям владений договаривавшихся князей. Это было старым правилом, прямо зафиксированным ещё в договорах домонгольского времени, например Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. Но при разъездах с целью покупки или продажи товаров по землям других княжеств необходимо было платить мыт и другие торговые пошлины. В договорах постоянно подчёркивалась неизменность состава торговых пошлин, их размера и мест сбора. Ездить непошлыми дорогами, объезжать мытный завор и мытника строго запрещалось, нарушители платили крупный штраф. Надо полагать, что это были требования седой старины. Недаром в статьях договорных грамот о торговых пошлинах часто давалась ссылка на давность и

древность. Мыт упоминается уже в Учредительной грамоте Смоленской епископии 1136 г., а мытник – в красочном рассказе Ипатьевской летописи о событиях февраля–марта 1151 г.

Зафиксированные в договорах тяжбы по кредитно-залоговым операциям, сохранности имущества, поручительствам по ссудам и займам рассматривались согласно нормам, определённым «от века». Нормы эти были отражены ещё в Русской Правде. В частности, статьи 47–49 Пространной редакции Русской Правды XII в. были посвящены целевому характеру ссуд, сроку их возврата, порядку взыскания (если не было своевременной добровольной выплаты), штрафу за просрочку, а также возврату имущества, отданного на хранение. Очевидно, всеми этими положениями и должны были руководствоваться судьи XIV–XV вв., рассматривавшие, согласно договорным грамотам, споры между жителями различных княжеств о «даном», «положеном», «заемном», «порученом» и т.д.

Отмечаемые в договорах тяжбы о «землѣ, водѣ» также должны были основываться на положениях Пространной Русской Правды, где более подробно расписывались нарушения владельческих границ бортей, пахотных участков, дворовых мест (статья 72).

Пристальное внимание в московских договорах XIV–XV вв. уделялось сыску холопов, рабынь и должников, бежавших от хозяев и кредиторов в чужие земли. Порядок их сыска сохранялся таким, каким он был зафиксирован в статье 114 Пространной Русской Правды, хотя должностные лица в этом законодательном памятнике XII в. назывались по-иному и другим был размер выплат лицам, помогавшим ловить беглецов. Договоры не ограничивали времени розыска зависимых людей, и это свидетельствует о том, что постоянное увеличение срока сыска закрепощаемых и закрепощённых крестьян в Русском государстве XVI–XVII вв. имело свои давние и глубокие корни.

Общее положение внешнеполитических договоров о выдаче татей, разбойников и душегубцев, т.е. о безусловном преследовании преступников, находило детализацию в той же Пространной Русской Правде, где в статьях 7, 40–46 предусматривались разнообразные случаи убийств и воровства и различные случаи выдачи и наказания уголовников. Таким образом, внешнеполитические договоры московских князей XIV–XV вв. представляют собой тот редкий источник, который позволяет рассмотреть современное ему русское средневековое общество в самых разнообразных его проявлениях. Свидетельствуя о моментальной реакции правящих верхов на возникавшие острые внешнеполитические военные и политические ситуации, о стремлении этих верхов к политической стабилизации путём использования норм многолетней давности, эти договоры указывают также на сохранение в XIV–XV столетиях порядков социально-экономической жизни, существовавших веками.

Ознакомление с другой частью договорных грамот – внутридинастийными договорами членов московского княжеского дома – показывает, что эти договоры содержат уникальный материал по истории внутримосковских княжеских отношений, проливающий свет и на взаимоотношения великокняжеской и удельнокняжеской властей не только в Московском княжестве, но и в других княжествах Северо-Восточной Руси, а кроме того – в Рязани. Договоры между представителями московского княжеского дома преобладают среди всех договоров XIV–XV вв. не только по числу сохранившихся экземпляров, но и по объёму представленной в них информации. В годы ожесточённой борьбы

звенигородско-галичского князя Юрия Дмитриевича и его сыновей Василия Косого и Дмитрия Шемяки с Василием II за московский великокняжеский стол (1430–1453 гг.) был выработан новый принцип оформления договоров между представителями московского княжеского дома. Беловые, окончательные тексты договоров стали сопровождаться черновыми, предварительными материалами. Это делалось для того, чтобы тщательнее отслеживать позиции сторон, не допускать отклонений в договорённостях и их превратных толкований, возникавших при участившихся конфликтах князей-родственников. В итоге получалось, что текст договора XV в. или начала XVI в. многократно превышал текст договора XIV в. (договор 1436 г. превосходит объёмом договор 1348 г. в 7.8 раз, сентябрьский договор 1473 г. – в 12.5 раз, договор от 16 июня 1504 г. – в 4 раза).

Договоры между московскими Рюриковичами заключались как по внутренним причинам (изменения в составе правящего дома, уход из жизни его представителей, оставлявших выморочные владения; женитьба князей, влекшая за собой действия по сохранению и расширению своих владений и стремление закрепить их за детьми; насильственные акции великокняжеской власти в отношении удельных князей), так и по внешним – при угрозе нападений соседних княжеств или Орды на Москву, организации Москвой собственных крупных наступательных операций.

Военные действия требовали особой концентрации и единства, поэтому не случайно одной из начальных статей большинства договоров XIV–XV вв. была статья о княжеском «одиначестве»: «Быти ны заодинъ до живота». Но это единство не было равноправным. Великий князь требовал для себя безусловного главенства. И обычно уже следующие статьи договоров содержали признание удельными князьями того факта, что великий князь является для них человеком в «отца место», прямо «отцом» или, по меньшей мере, «братом старейшим». Такое «старейшинство» ярче всего сказывалось не только в руководстве военными силами, но и во внешнеполитической деятельности, а также в организации судебной системы.

При распаде Московского княжества на ряд владений близких родственников каждый из них получал в своё распоряжение часть прежде единого княжеского войска. Однако верховное командование вооружёнными силами княжества и в этих условиях сохранялось за великим князем. Такая норма закреплялась в статье об участии удельных князей в походах по приказу великого князя «без послушанья». Великокняжеский воевода возглавлял самое крупное военное подразделение княжества – собственно московскую рать, хотя в её состав могли входить бояре и вольные слуги удельных князей.

«Одиначество» и «старейшинство», о которых говорят договоры князей московского дома, не следует расценивать как проявления семейно-родственных отношений, на чём в своё время настаивали некоторые русские историки, в частности А.Е. Пресняков. Те же принципы «одиначества» при «старейшинстве» одного из контрагентов проявлялись и во внешнеполитических договорах московских князей XIV–XV вв. Так, в московско-новгородско-тверском договоре 1375 г. и договоре Москвы с Рязанью 1381 г. неоднократно подчёркивались действия «с одного» в случае нападения одних русских князей на других или агрессии со стороны татар или литовцев. А статья 4 московско-тверского соглашения 1399 г. прямо требовала «быти нам, брате, на Татары и на Литву, и на Нѣмци, и на Ляхи заодинъ», дополняя отвлечённое положение

внутридинастийных договоров «быти ны заѡдинь» конкретным указанием на возможных противников. При этом в договоре 1375 г. московский великий князь считал себя «братом старѣишим» по отношению к тверскому великому князю, «брату младшему». А в московско-рязанском договоре 1381 г. рязанский великий князь Олег Иванович, обращаясь к «брату старѣишему» Дмитрию Донскому, призывал его «имѣти ти мене собѣ братомъ младшимъ». Очевидно, что сосуществования «старейшинства» и «одиначества» требовали и международные договоры, которые заключались представителями разных княжеских династий.

Внутридинастийные договоры XIV–XV вв. содержали условие, согласно которому «друг» великого князя должен был быть «другом» и удельных князей, а его «недруг» – «недругом» и для его родственников. Тем самым выбор внешнеполитических союзников и противников входил исключительно в компетенцию великого князя, удельные князья могли принимать в этом лишь пассивное участие. Однако оформление союзнических договоров должно было проходить с обязательным участием удельных князей. Великий князь не имел права «канчивати ни с кем же» без согласия своих удельных родственников. Те, в свою очередь, не могли договариваться с кем-либо о чём-либо без ведома и участия великого князя.

Договоры московских князей XIV–XV вв. рисуют сложную картину организации средневековой судебной системы. В Москве судили жителей города и людей, живших за городом, но в округах, которые по княжеским решениям переводились под юрисдикцию московского суда. Судили жителей великого княжества Владимирского, во главе которого стояли московские великие князья, судили людей, служивших удельным князьям. Разбирали споры между истцами и ответчиками. Обращались в суд при пребывании князей в городе и в их отсутствие. Во всех таких случаях производство суда было разным. Проводили подготовку к судебным заседаниям, используя доводчиков и приставов, и такая подготовка тоже не была трафаретной. Судебные прерогативы великого князя во всех перечисленных случаях явно превышали прерогативы удельных князей, в принципе не имевших права судить людей великого князя. Последний же в ряде случаев мог рассматривать дела людей, служивших удельным князьям. Так, великий князь судил все московские суды, над кем бы они ни вершились. В его отсутствие суд переходил к его наместнику, а не к брату или иному удельному родственнику. В московские суды ответчика, будь он даже человеком удельного князя, доставляли приставы великого князя. Удельные князья также участвовали в московских судах, но их участие ограничивалось присутствием на великокняжеском суде и получением следуемых им штрафов. Однако в собственных уделах своих подвластных людей они судили сами, без какого-либо участия великого князя. Содержащиеся в договорах, заключённых московскими князьями между собой, сведения о судебной системе средневековой Руси являются уникальными, таких данных нет в исторических источниках, относящихся к другим русским средневековым княжествам.

Большое внимание во внутридинастийных московских договорах уделялось владениям заключающих соглашение князей-родственников. Прежде всего речь шла о земельных владениях, которые составляли основу княжеского могущества и благосостояния. Обычно при их фиксации стороны ссылались на завещания отца или отцов, на пожалования близких родичей, на уступки одной стороны (обычно это был великий князь) другой. Выделенные Иваном

Калитой своим сыновьям части территории принадлежавшего ему одному Московского княжества самим завещателем назывались уездами. В договоре 1348 г. обширные владения великого князя Симеона и более скромные владения его братьев обозначались как уделы («наших оудѣлѣхъ не купити, ни твоимъ богаромъ, ни слугамъ, ...ни нашимъ богаромъ, ни слугам сель въ твоємъ оудѣлѣ и у численныхъ» – статья 19). Удел сыновей Ивана Калиты – это уже не только отчинное наследие. Это отцовский уезд, дополненный их собственными земельными приобретениями и прикупам. Например, для великого князя Симеона это были не только унаследованные им города, волости и сѣла в Московском княжестве, но и купленная им у новосильского князя волость Заберега, а также волости, полученные от тётки – княгини Анны. На них уже не могли претендовать другие представители московского княжеского дома, такие земли не превращались в объекты внутрисемейных княжеских переделов. Договоры позволяют установить, что появление удела означало его длительное и раздельное с другими уделами особое существование.

В последующих договорах московских князей, заключённых уже после присоединения к Москве великого княжества Владимирского в 1363 г., начинают складываться иные представления об объектах их территориальных владений. В договоре 1364/65 г. между великим князем Дмитрием Ивановичем и серпуховским князем Владимиром Андреевичем великокняжеские владения обозначаются как удел и великое княжение, а владения серпуховского князя – как удел. При этом унаследованные обоими князьями владения, в том числе перешедший в руки Дмитрия по завещанию отца удел великого князя Симеона, определяются как их раздельные «очины». В договоре 1372 г. Дмитрия Московского с Владимиром Серпуховским владения первого из них классифицируются как вотчина и великое княжение, а владения второго – как вотчина и удел, причём под уделом понимаются только земельные пожалования великого князя Дмитрия своему двоюродному брату. В договоре 1389 г. тех же князей все владения Дмитрия были обозначены как его удел и великое княжение, а все владения серпуховского князя – как его удел. Но при этом владения Дмитрия, в том числе великое княжение, были представлены как наследственные, полученные от отца, а владения Владимира – как наследственные отцовские, а также полученные от дяди, великого князя Ивана Ивановича, и пожалованные ему великим князем Дмитрием.

По договору 1390 г. великого князя Василия Дмитриевича с Владимиром Серпуховским владения великого князя и его братьев назывались их уделами и отчиной великим княжением, а владения серпуховского князя – его отчиной и уделом. В понятие отчины в последнем случае включались земли, унаследованные Владимиром от отца, а также полученные им от Дмитрия Донского, в понятие же удела – пожалования великого князя Василия Дмитриевича. В договоре 1392/93 г. великого князя Василия Дмитриевича с братом Юрием Дмитриевичем владения обоих князей назывались их вотчинами, причём великокняжеская вотчина состояла из земель, унаследованных Василием I по завещанию отца, в том числе великого княжения, и промыслов, добытых самим великим князем Василием. Так складывались представления о великокняжеских и удельнокняжеских владениях в московском княжеском доме на протяжении XIV в. Чем ближе к концу века, тем отчётливее проступала тенденция всё большей изолированности одних родственных владений от других, признания их вотчинного характера и переноса понятия «удел» на пожалованные великокня-

жеской властью земли в близкое к составлению договоров время. За договорённостями московских князей XIV в. о владениях стояло стремление каждого из них к их сохранности, самостоятельности управления ими и оставления за своими наследниками.

Тем не менее указанные принципы в реальной жизни, по-видимому, часто нарушались. Из договора в договор кочуют статьи, запрещающие боярам и слугам удельных князей приобретать сёла во владениях великого князя, а великокняжеским боярам и слугам – во владениях удельных князей. Одному князю нельзя было выдавать жалованных грамот во владения другого, держать там своих закладников и оброчников. Само постоянство таких требований свидетельствует о том, что запрещения помогали мало. Инокняжцы внедрялись в чужие города, волости и сёла. И фиксация в договорах московских князей бояр, а позднее и вольных слуг великого князя в уделах близких родственников и наоборот, их людей в уделе и великом княжении великого князя, говорит именно об этом.

В XV в., особенно в период правления Ивана III, в договоры великого князя с московскими родственниками вносятся изменения. Исчезает статья об «одиначестве». Удельные князья уже не признаются союзниками верховного правителя. Они находятся в его подчинении, и их задача – не сотрудничать, а «честно и грозно» защищать владения великого князя и его детей. В связи с этим меняется и статус земельных владений удельных князей. Теперь такие владения уже трактуются не как вотчины удельных родственников московского великого князя, доставшиеся им по наследству от отцов, а как пожалования великого князя своим родственникам. Великий князь оказывается верховным собственником всех земель, в границах которых проявляется его власть, становясь всё более самодержавной.

Помимо земельных владений, постоянным объектом внимания составителей внутрдинастийных договоров были «городские волости», или пути – налоги, взимаемые в городах, а также отрасли княжеского хозяйства и всё хозяйство в целом. Стороны также всегда договаривались о том, чтобы сохранялся контингент лиц, обслуживавших отношения князей с Ордой: делное, ордынцев, численных людей, которых запрещалось переводить на иную княжескую службу и у которых запрещалось покупать их дворы. Те же нормы распространялись на слуг под дворским и чёрных людей, подчинявшихся сотским, возглавлявшим пригородные станы. В междукняжеских московских договорах под защиту бралась достаточно представительная категория княжеских слуг-министериалов, от которых зависело состояние княжеского хозяйства, нуждавшегося как в непосредственных производителях, так и в обслуживающем персонале.

Высший разряд княжеских служилых людей составляли бояре и вольные слуги. В мирное время они управляли великокняжескими и удельными городами и волостями, будучи наместниками или волостелями, участвовали в судебном производстве, исполняя должности судей, доводчиков и приставов. Однако главной их обязанностью была военная служба, и договоры XIV–XV вв. весьма подробно её расписывают, указывая, под командой какого князя или воеводы должны были отправляться в поход бояре и вольные слуги, если они служили одному князю, а проживали во владениях другого. В отличие от «выиманных» в службу слуг-министериалов за боярами и вольными слугами сохранялось право вольной службы, т.е. свободного перехода от одного князя к другому. Норма «а богаромъ и слугамъ вольнымъ воля», зафиксированная в самом ран-

нем московском внутридинастийном договоре 1348 г., в несколько изменённом виде, с добавлением уточняющих слов «межи насъ», была сохранена и в последующих договорах. Впрочем, частные определения некоторых договоров свидетельствуют, что так просто, исключительно по собственному желанию, московские бояре переменить службу не могли. Договор 1348 г. специально отметил случай с великокняжеским боярином Алексеем Петровичем Хвостом, который «вшель в коромолу к великому князю» и за это был лишён службы у московских Калитовичей и права отъезда в другие княжества. В первый договор Дмитрия Московского с Владимиром Серпуховским была включена статья 28, согласно которой боярин мог перейти на службу к другому московскому князю, только отслужив службу своему прежнему сюзерену.

Значительное внимание уделялось во внутридинастийных договорах поземельной княжеской власти, действию в городах и волостях различных чиновников князей-родственников, в частности данщиков. Данщики собирали дань, которая шла на уплату Орде. Договор 1389 г. впервые называл сумму ордынской «тягости и протора», которую должен был ежегодно вносить со своих владений серпуховский князь. Включение во внутридинастийные соглашения московских князей подобных договорённостей, касавшихся международных обязательств наследников Даниила Александровича и Ивана Калиты, убедительнее всего доказывает то, что такие соглашения являлись прежде всего политическими документами, а не узкосемейными договорённостями, направленными на решения малозначительных спорных вопросов внутри одной из многих русских средневековых княжеских династий.

Конечно, каждый договор являлся результатом компромисса. Это означает, что достигнутое соглашение удовлетворяло обе стороны. Однако удовлетворённость могла иметь разные уровни. Во взаимоотношениях великих и удельных князей московского дома преимущества всегда были на стороне великокняжеской власти. И если эта власть шла на заключение политических договоров с менее значительными князьями, это говорит о том, что такие соглашения были ей выгодны. Действительно, рассмотрение большинства сохранившихся договоров показывает, что великокняжеская власть добивалась в них целого ряда односторонних преимуществ: контроль над общим княжеским хозяйством, удержание в своих руках выморочных владений ближайших родственников, которые лишались своих долей в таких владениях, отторжение от уделов больших и малых территорий, неполная компенсация такого отторжения, принудительный неравноценный обмен территориями и т.д. И если давать характеристику внутридинастийным московским договорам XIV–XV вв. в целом, то становится очевидным, что они отразили развивавшийся процесс укрепления великокняжеской власти в период сосуществования с нею удельной системы. Таких данных нет ни в каких-либо других источниках по истории Московского княжества, ни в источниках по истории других княжеств Северо-Восточной Руси.

Ранее говорилось о том, что при разборе документов Московского архива Коллегии иностранных дел в 1766 г. были выявлены княжеские завещания XIV–XVI вв. Находивший и описывавший их Н.Н. Бантыш-Каменский зафиксировал 25 душевных грамот московских князей и княгинь, из которых 7 относились к XIV в. Это были два завещания Ивана Калиты, одно завещание его старшего сына Симеона, два завещания брата Симеона великого князя Ивана Ивановича и два завещания Дмитрия Донского. В итоге историческая наука



получила в своё распоряжение ценнейший материал по истории одного из средневековых русских княжеств, составу владений князей-завещателей и их наследников, количеству и видам принадлежавших им сокровищ, т.е. недвижимому и движимому имуществу, как определяли такие свидетельства историки XVIII–XIX вв., более всего интересовавшиеся именно этим содержанием предсмертных княжеских распоряжений. Со временем было выяснено, что княжеские завещания включают единственные в своём роде сведения о внутреннем управлении княжеством, в котором личное и частное сочеталось с семейным и коллективным, дают информацию о собиравшихся в городах и сельской местности налогах и их делении между князьями, об организации княжеского хозяйства и занятых в этом хозяйстве категориях зависимого и свободного населения. Многочисленные названия городов, волостей и сёл, перечислявшиеся в завещаниях, позволяют не только достаточно полно и точно определять состав, размеры и географию княжеских владений, но и исходя из компактности расположения волостей и сёл отслеживать степень заселённости и хозяйственной освоенности тех или иных территорий. Перечень и описание содержимого княжеской казны дают возможность характеризовать быт людей XIV в., специальности мастеров по изготовлению драгоценных изделий, выявлять связи с правителями других стран, поскольку некоторые предметы из казны московских князей были иностранного происхождения. Особенно большое значение имело последнее завещание Дмитрия Донского 1389 г., установившее новые нормы наследования великокняжеского стола, впервые зафиксировавшее размеры ордынских выплат с владений каждого из Дмитриевичей, определившее новые права и новую политическую роль их матери – вдовой великой княгини Евдокии.

Сохранившиеся завещания московских князей позволяют проследить, как из среды московских Рюриковичей выделился правитель-монарх – князь всея Руси. Выясняется, что по меньшей мере с Ивана Калиты московские князья наделяли своих старших сыновей-наследников бóльшими владениями, бóльшими налоговыми отчислениями и более значительными правами, чем младших. Так, согласно завещаниям Калиты 1336 и 1339 гг. его преемник на московском столе Симеон Гордый получал 2 города и 34 волости и села, второй сын Иван – 23 волости и села, третий сын Андрей – 21 волость и село, а вторая жена Калиты Ульяна с двумя дочерьми – 26 волостей и сёл. Старший получал все существовавшие, кроме Москвы, города Московского княжества и в полтора раза больше сёл и волостей, чем каждый из младших братьев. В 1340–1350-е гг. старшие сыновья продолжали получать больше земель, чем младшие, а доходы делились по принципам: при двух наследниках старший получал две части, младший – одну; при трёх и более наследниках – старший получал половину, все остальные братья – другую половину.

После присоединения к Москве Владимирского княжества Дмитрий Донской ввёл новый принцип в распределение земель между своими сыновьями. Владимирское княжество безраздельно наследовал только старший из них, что делало будущего великого князя заведомо могущественнее любого из его братьев и служило гарантией от попыток младших князей бороться за передел владений. По завещанию Василия II его старший сын Иван получил 14 городов, а 4 его брата – 13 на всех. Будущему Ивану III были отданы Владимир, Переяславль Залесский, Кострома, Галич с Солигаличем, Устюг, Вятская земля (видимо, с г. Вяткой), Суздаль, Нижний Новгород, Муром, Юрьев с Великою

Солью, Боровск, Калуга, Алексин. Его братьям завещались Дмитров, Можайск, Медынь, Серпухов, Хотунь (Юрию); Углич, Устюжна, Бежецкий Верх (видимо, с г. Городецком-Бежецком), Звенигород (Андрею Большому); Ржева, Волоколамск, Руза (Борису); Вологда (Андрею Меньшому). Ни один город из числа завещавшихся младшим братьям Ивана не мог равняться с Владимиром, Нижним Новгородом, Переяславлем Залесским или Костромой, которые получил старший сын Василия II. Очевидно, преемнику Василия на великокняжеском столе предназначались самые крупные города.

В свою очередь, великий князь Иван III Васильевич завещал в 1503 г. своему старшему сыну Василию Москву и основную территорию Русского государства, включавшую 66 городов, в том числе Новгород Великий и Новгород Нижний, Тверь, Псков, Ростов, Ярославль и другие города, бывшие крупными административными и экономическими центрами. Остальным своим четверым сыновьям Иван III передавал всего 30 городов. Другие предписания того же завещания представляются ещё более показательными. Речь идёт о предусмотренных душевной грамотой Ивана III возможных выплатах Орде. С уделов младших сыновей Ивана надо было собрать около 246 руб., а будущий великий князь Василий III должен был внести на ордынские расходы 717.5 руб., т.е. почти в три раза больше. Неравномерное распределение Иваном III наследства между сыновьями вносило коренные изменения в отношения великого князя с удельными родственниками, создавая территориальные, экономические и военные преимущества для развития самодержавной монархической власти.

Важность свидетельств княжеских договоров различного типа и завещаний для характеристики территориальных и демографических изменений, экономических, социальных и политических процессов, шедших на Руси на протяжении XIV – первой трети XVI в., не вызывает никаких сомнений. Множество таких свидетельств носит уникальный характер, их не могут восполнить сведения памятников летописания, записок путешественников, литературных сочинений, церковных канонов, поучений и посланий, дипломатической переписки, актового материала. Однако при переиздании княжеских завещаний (душевных, или духовных, грамот) и договоров следует иметь в виду, что правильное воспроизведение их текстов представляет значительные трудности. И об этом следует говорить особо, на примере завещаний московских князей XIV в.

\* \* \*

Эти душевные грамоты имеют многочисленные и разнообразные дефекты. Многовековое и не всегда бережное хранение привело к тому, что многие из них получили механические повреждения, от грамот отрывались и терялись фрагменты пергамента или бумаги, а вместе с ними утрачивалась и часть текста. Пергаментные и бумажные листы завещаний хранители свёртывали в трубки, затем расплющивали их и в таком состоянии сохраняли. При этом пергамент часто разрывался по линии графлений, особенно тогда, когда они были сделаны острым предметом. В результате строки завещаний превращались иногда в узкие кожаные полоски, пергамент крошился, а текст становился дефектным или даже уничтожался. Сырость, колебания температуры, влияние солнечного освещения и пожаров приводили к обесцвечиванию и угасанию текста. Позднейшие архивисты делали не только различные пометы на оборотах грамот, но и вторгались (впрочем, редко) в основной текст завещаний. Писцы, писавшие грамоты, совершали разного рода описки и ошибки. Некоторые из них они тут

же исправляли, другие так и остались незамеченными и неисправленными. Поэтому правильное прочтение грамот, не говоря об их интерпретации, становилось делом сложным, долговременным и кропотливым.

Из семи завещаний московских князей XIV в. хуже всех сохранилась первая душевная грамота Дмитрия Донского. От неё до настоящего времени дошло только окончание, 6 неполных статей, тогда как, например, два завещания его отца, великого князя Ивана Ивановича, включали по 31 статье. Первое завещание Ивана Даниловича Калиты имело механические утраты к тому времени, когда Бантыш-Каменский стал описывать душевные грамоты. Он отметил, что «середина грамоты вырвана, и во многих местах слова слиняли». Действительно, и в настоящее время в грамоте из-за утраты фрагмента пергамента присутствует большая лакуна в тексте. Она начинается с середины строки 33 и заканчивается на середине строки 45. Размер утрат в строках 33–45 колеблется от 57 до 91 мм, или от 10 до 19 букв. Большие дефекты имеет также вторая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича. Её правый край сильно обветшал и имеет многочисленные утраты. Мелкие фрагменты пергамента утрачены и в центральной части грамоты. Такое состояние документа зафиксировал ещё Бантыш-Каменский: «в середине и по краям многих речей недостает». Остальные грамоты (второе завещание Ивана Калиты, завещание Симеона Ивановича, первое завещание Ивана Ивановича, второе завещание Дмитрия Донского) сохранились лучше, но и они имеют механические утраты текста и угасшие места. Это также было отмечено Бантыш-Каменским: «в некоторых местах грамоты слова слиняли» (о втором завещании Ивана Калиты), «в некоторых местах на грамоте слова слиняли» (о завещании Симеона), «по обоим краям грамоты нескольких речей недостает» (о первом завещании Ивана Ивановича), «в некоторых местах грамоты слова слиняли» (о втором завещании Дмитрия Донского).

Плохое или неважное состояние подлинников приводило к тому, что текст грамот читался с ошибками и плохо понимался. В частности, составителям «Древней российской вивлиофики» в 1770-е гг. никак не удавалось прочитать имя одной из дочерей Ивана Калиты, упомянутой в его завещаниях. Они печатали «Мр...е» (первая душевная грамота Ивана Калиты) и просто «Мр...» (вторая душевная грамота Ивана Калиты) вместо «М(а)рьи». Во втором завещании Калиты они не смогли правильно прочитать плохо видимые буквы и поместили настоящую абракадабру – «Наворкеводка» вместо правильного «на Вори сво(бо)дка».

Составители «Собрания государственных грамот и договоров» в начале второго десятилетия XIX в. читали текст грамот гораздо увереннее, но и они допускали ошибки. Например, дожившее до их времени название волости Рогожь они передали как «Ротожь» (вторая душевная грамота Ивана Калиты), вместо названия другой волости – Мушкова гора – печатали «Мушкина гора». Особый интерес представляет прочтение одного места в завещаниях Ивана Калиты всеми публикаторами. В первой душевной грамоте этого князя в статье 2, в строке 10 после слова «[Гор]ки» и букв «се» утрачен фрагмент пергамента размером 31 мм, где могло разместиться 6–7 букв. Далее видны остатки 6 букв и буквы «ок», являющиеся окончанием названия какого-то села. Первая из 6 разрушенных букв представлена всего лишь длинной вертикальной линией, опускающейся ниже строки, которую можно назвать «хвостом». Вторая – маловыразительным фрагментом, расположенным внизу строки. Хотя верхние

части букв с третьей по шестую утрачены, прочитать эти буквы можно: «вѣск». Что касается первой буквы, то теоретически это могла быть одна из семи букв, которые писец грамоты дьяк Ивана Калиты Кострома писал с «хвостами»: «з» (земля), «р», «у», «ф» (ферт), «х», «ц» и «щ». В аналогичном месте второй душевной грамоты Ивана Калиты в строке 9 никаких механических утрат пергамента нет. Ясно читаются слова «Горки» и «село», а на некотором расстоянии от последнего слова буквы «евѣскоѣ». На эти буквы оканчивалось какое-то название села. Архивисты и публикаторы XVIII в. полагали, что оно называлось «Астафьевскоѣ». Тому были определѣнные основания. Во-первых, плохо видимые начальные буквы названия занимали пространство в 21 мм, где могло разместиться 5 букв. Во-вторых, первая буква названия имела слева наклонную черту, напоминающую петлю буквы «а». В-третьих, буква, близкая к первой хорошо видимой букве «е», имела «хвост», а буква «ф» писалась с «хвостом». В-четвёртых, село Астафьевское фигурировало в завещании Симеона Ивановича и во второй душевной грамоте Дмитрия Донского. Но все эти основания оказываются иллюзорными. В завещаниях Симеона и Дмитрия рассматриваемое название села писалось не через «а», а через «о»: «Остафѣское», «Остафѣвское». При сильном увеличении выяснилось, что наклонная черта первой буквы не образует петлю. Второй буквой не может быть «с», поскольку на месте второй буквы видна довольно длинная горизонтальная черта у основания, буква же «с» писалась узким «калачиком». Наконец, «хвост» оказался принадлежащим не букве «ф», а достаточно ясно видимой при увеличении букве «ц». Это подтверждается и текстом первой душевной грамоты Ивана Калиты. Там «хвост» утраченной буквы расположен не по середине литеры, как у «ф», а справа, и по расположению и начертанию мог принадлежать только букве «ц». Таким образом, название села во втором завещании Ивана Калиты явно оканчивалось на буквы «...цевскоѣ». Расстояние между словом «село» и буквами «...цевскоѣ» равно 16 мм. Там могло разместиться не более 4 букв. Хотя эти буквы сильно разрушены, прочитать их можно. Это буквы «лыс», где «ы» занимает место двух букв. Следовательно, название села было «Лысцевскоѣ», а не «Астафьевскоѣ». Между тем во всех существующих изданиях завещаний Ивана Калиты фигурирует село Астафьевскоѣ (или Астафѣвскоѣ), и это при том, что сотрудники канцлера Н.П. Румянцева в 1813 г. и Л.В. Черепнин в 1950 г. тщательно сверяли тексты своих публикаций по подлинникам. Тем не менее текст второго завещания Ивана Калиты в строке 9 они правильно прочитать не смогли и воспроизвели то, что было предложено архивистами XVIII в. Последние же прибегли к реконструкции завещаний Калиты, исходя из некоторых особенностей написаний плохо видимых букв и используя свидетельства завещаний его сына и внука. О других случаях таких не оговорѣнных публикаторами реконструкций, вызванных не плохим прочтением существующего текста, а его отсутствием, речь пойдёт далее.

Что касается передачи существующего текста, то сверка с подлинниками лучшего на сегодняшний день издания завещаний московских князей XIV в. в «Духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV–XVI вв.» 1950 г. показала, что и эта публикация, осуществлённая Л.В. Черепниным, неточно отразила тексты оригиналов. Так, в первой и второй душевных грамотах Ивана Калиты, во второй душевной грамоте Ивана Ивановича, во второй душевной грамоте Дмитрия Донского не были воспроизведены символические инвокации – знаки креста перед текстом грамот. В первом завещании Ивана

Калиты было написано «цвсьский» (с выносным «с» под титлом; строка 37 грамоты), что должно было быть передано как «ц(е)<sup>с</sup>(а)р(е)вьский». Черепнин же напечатал «ц(а)р(е)вьский». В строке 48 грамоты написано «снве». В издании 1950 г. напечатано «[сынове]», будто это слово утрачено и его надо восстанавливать. Предлог «с» оригинала грамоты (строка 66) превращён в публикации в предлог «съ». Во втором завещании Ивана Калиты вместо «блюдо» подлинника (строки 33–34) было напечатано «блюдо», вместо «Данищева» (строки 36–37) – «Данилищева» без указания, что исправлена описка писца; вместо «...а селца» (строка 72) – «...ца», вместо «Поѣловское» (строка 74) – «Мѣловское», вместо «Прокопѣа» (строка 81) – «Прокофѣа», и т.д.

В публикации 1950 г. завещания Симеона не отмечены поправки писца, а сохранившиеся его ошибки не исправлены. Вместо «мои богаре» (строки 31–32 оригинала) было напечатано «моѣ богаре», при передаче слова «коломеньскимъ» (строки 42–43 грамоты) не отмечено, что буква «л» не сохранилась. В слове «люд...и» (строки 49–50) после «д» отсутствует буква. Черепнин восстановил текст как «людеи», не отметив, какая буква восстановлена. В строке же 38 читается «людии», и восстанавливать надо было букву «и», а не «е». Слово «е[сте]» из строки 50 грамоты напечатано с указанием, что последние три буквы слова отсутствуют. Однако буква «с» читается. При публикации первого завещания Ивана Ивановича вместо «без ъбиды» (строка 31 оригинала) Черепнин напечатал «без обиды», вместо «гладькийи» (строка 50) – «гладький», вместо «пс̄аль» (буква а в строке; строка 80) – «пис(а)ль». Слово «огнивчату» Черепнин разделил на две части: «огнив» и «чату», отточием между ними показав, что в грамоте имеется механическая утрата текста. Но утрачен не текст, а часть пергамента, причём ещё до того, как пергамент был использован для письма. Писец просто продолжил письмо, миновав разрыв в пергаменте, текст же княжеского завещания он в данном месте написал без каких-либо пропусков (строка 53).

Более чем в полутора десятках случаев буквы или группы букв, отсутствующие в первом завещании Ивана Ивановича, показаны в «Духовных и договорных грамотах» как существующие. Описки писца грамоты в одних случаях исправлялись без каких-либо пояснений, в других оставались без всякой правки. Исправления самого писца не отмечались. При передаче текста второго завещания Ивана Ивановича отступлений от написаний оригинала было сделано ещё больше. Так, публикатор не принял во внимание тексты первого и четвёртого фрагментов из пяти, в его время приклеенных в разных местах к правому краю грамоты. Многие буквы показаны как утраченные, на самом же деле они сохранились. Например, слово «Василцева» заключено в издании 1950 г. в квадратные скобки как полностью реконструированное, но первая буква «в» в подлиннике читается (строка 7 оригинала). По «Духовным и договорным грамотам» получается, что при упоминании Можайска в оригинале грамоты утрачено слово «село», но на самом деле буква «с» сохранилась (строка 11). Одно из мест статьи 6 второго завещания Ивана Ивановича у Черепнина передано следующим образом: «[Каневъ, Кошира, Гжелѣ, Горѣтовка, Горки, село] на Сѣвърцѣ». Но буквы «кан» в слове «Каневъ» читаются, как и буквы «това» в слове «Горѣтова» (но не «Горѣтовка» как напечатал Черепнин), буквы «г» и «ки» в слове «Горки» сохранились, а слово «Сѣвърцѣ» не имеет второй буквы «с» (строки 16–17 оригинала). И число подобных примеров может быть значительно увеличено. С другой стороны, примерно в трёх десятках случаев

в издании 1950 г. как существующие указаны места, которые во второй душевной грамоте Ивана Ивановича не читаются. В 11 случаях текст подлинника был прочитан и напечатан с ошибками. К тексту грамоты не были сделаны необходимые палеографические примечания, в результате чего описки писца XIV в. «податса» (строка 66) вместо «подѣлатса» и «памать» (строка 73) вместо «памѣть» остались неотмеченными.

В ряде случаев неправильно был реставрирован текст в местах механической утраты пергамента. При публикации первого завещания Дмитрия Ивановича Черепнин воспроизвёл в своём издании без всяких пояснений целый ряд букв, которые в настоящее время не читаются. С другой стороны, он заключил в квадратные скобки, т.е. обозначил как утраченные, некоторые уцелевшие буквы. Так, в словах «[и чепь и сабли]» (строки 11–12 подлинника) буквы «че», «с» и «б» сохранились. То же надо сказать о буквах «св» и «г» в словах «[своеи княг]ини» (строки 13–14), буквах «чет» (строка 15) в восстановленном Черепниным слове «[четвертую]». При публикации второго завещания Дмитрия Донского Черепнин также не отмечал ни писцовых исправлений текста, ни оставшихся незамеченными ошибок переписчика. Вместо слова «кнагинѣ» (строка 3 подлинника) он напечатал «кнагине», вместо «съ-тъѣздъцем» (строки 49–50) – «с отѣздъцем», вместо «Шагатью» (строки 62–63) – «Шаготью», вместо «Ыстею» (строка 72) – «Ыетею». Подобных отступлений от текста оригинала последнего завещания Дмитрия Донского в публикации «Духовные и договорные грамоты» насчитывается более трёх десятков. Таково положение с передачей сохранившегося текста завещаний московских князей XIV в. А как же восстанавливать утраченные места?

Л.В. Черепнин был первым, кто введением квадратных скобок в издаваемые тексты стремился обратить внимание на то, какой текст утрачен или не читается и как должны быть восстановлены образовавшиеся в грамотах лакуны. В более ранних «Древней российской вивлиофике» и «Собрании государственных грамот и договоров» завещания московских князей печатались почти без пропусков текста. Были отмечены единичные утраты. Так, во второй душевной грамоте Ивана Калиты многоточием обозначено место после слов «смѣнил с мѣтрополитомъ» и перед словами «а селца на Масѣ». В обоих завещаниях Ивана Ивановича многоточием отмечалось место между словами «съ наливкою серебряною» и буквами «ца золота». Несколько многоточий было поставлено в первом завещании Дмитрия Донского: перед текстом для обозначения утраты начала грамоты, перед и после слов «моимъ дѣтемъ», перед словами «Замошьскую свободу», между словом «Угожь» и буквами «дъ», после слов «Дмитрѣва свобода» и перед словами «село Павловское». Большое количество непрочитанных мест в сохранившемся отрывке первого завещания Дмитрия Донского объясняется имеющимися в нём крупными утратами и отсутствием в большинстве случаев каких-либо параллельных текстов, с помощью которых можно было бы эти утраты восстановить. Но отсутствие вырванной «середины грамоты» в первом завещании Ивана Калиты, а также «слинялых» слов в этом документе, недостающих «речей» во второй душевной грамоте Ивана Ивановича в изданиях 1775 и 1813 гг. никак не отражено. Документы опубликованы без указания каких-либо текстовых потерь. Естественно, возникает вопрос: как появилась эта полнота? Была обнаружена «середины» первого завещания Ивана Калиты, фрагменты с недостающими «речами» второго завещания сына Калиты Ивана, удалось разглядеть и прочитать «слинялые» слова грамот? Или

издатели прибегли к каким-то особым приёмам, чтобы получить удобные для прочтения и исследования тексты? Чтобы ответить на данные вопросы, можно рассмотреть, как было передано различными издателями одно место из двух завещаний Ивана Ивановича.

Статья 9 первого завещания этого князя констатирует, что из доставшихся завещателю рязанских мест «на сеи сторонѣ Оки» он дал своему племяннику «кнѣз(ю) Володимеру в Лопастны (в оригинале описка: Ломастны. — В.К.) мѣста Новыи город(о)къ на оусть Порот[ли]». Тот же текст читается и во втором завещании Ивана Ивановича. Уже в середине XX в. в «Указатель географических названий» к «Духовным и договорным грамотам великих и удельных князей XIV–XVI вв.» публикатор этих документов Черепнин внёс «Новый городок на усть-Пороти» и «Поротль, р.». Поскольку в тексте завещаний речь идет о «сей» стороне Оки, наиболее близкой к Москве, очевидно, что имеется в виду окское левобережье. В таком случае р. Поротля, или Поротя, как указано в «Духовных и договорных грамотах», должна была впадать в Оку слева. Однако в бассейне Оки рек с такими названиями нет. Обращение к оригиналам завещаний Ивана Ивановича позволяет выяснить, что в первом из них буквы «Порот» приходятся на окончание строки 29, но самый конец этой строки разрушен, утрачен фрагмент пергамента размером 14 мм, где могут разместиться 2–3 буквы. Во втором завещании до реставрации грамоты в 1998 г. наблюдалась почти аналогичная картина. Буквы «Порот» приходились на окончание строки 28, однако самый конец строки, где могло разместиться 2–3 буквы, был вырван. Вырван, но не утрачен. Фрагмент пергамента с буквами «вы а» в первой строке, словом «кнѣз(ю)» под ними и словом «кнѣз(ѣ)» в строке 3 был выклеен позднейшими хранителями документа против строк 6–9 грамоты. Выясняется, что этот фрагмент содержит окончания строк 28–30 грамоты. В самом деле, после слова «кнѣз(ѣ)» в последней строке фрагмента должно следовать слово «великого», читающееся в основном тексте грамоты в самом начале строки 31. После слова «кнѣз(ю)», читающегося в строке 2 фрагмента, должно следовать слово «Ивану», находящееся в самом начале строки 30. За союзом «а», которым кончается текст первой строки фрагмента, должны следовать слова «инага мѣста», расположенные в самом начале строки 29. Следовательно, буквы «вы» первой строки фрагмента должны следовать за буквами «Порот» строки 28. Они дают чтение «Поротвы» («на оусть Поротвы»). Название Поротва хорошо известно. Так в старину называлась современная река Протва. В составленном в 1448/49 г. списке «А се имена всѣм градом руским, далним и ближним» названа «Веря на Поротвѣ». Через город Верею протекает Протва. Поэтому в тождестве Поротвы и Протвы сомневаться не приходится. Протва впадает в Оку слева, примерно в 20 км выше по Оке от Серпухова. Это точно соответствует тому, что Новый городок, данный в завещании великим князем Иваном Ивановичем племяннику Владимиру Серпуховскому, стоял на левом берегу Оки. Разъясняется и причина того, что именно этот Новый городок был передан серпуховскому князю. Он находился по соседству с его владениями.

Но почему во всех публикациях завещаний Ивана Ивановича печатали «на усть Поротли»? Во-первых, конечно, потому, что издатели XVIII–XX вв. не обращали внимания на выклеенный против строк 6–9 второй душевной грамоты Ивана Ивановича фрагмент пергамента с текстом. Во-вторых, создатель первых рукописных копий с завещаний Ивана Ивановича Бантыш-Каменский, установив, что после текста «на оусть Порот» буквы отсутствуют в обеих душевных

грамотах великого князя Ивана, решил их восстановить. Поскольку в первом завещании Ивана Ивановича букв в данном месте сохранилось больше, чем во втором, именно первое завещание было взято Бантыш-Каменским за основу при восполнении текста. Там в конце строки 29 читалось: «Новый город(о)къ на оустъ Порот.», а в начале строки 30 – «А инага мѣста рязаньскага...». Союз «а» был написан очень схоже с буквой «л». Бантыш-Каменский принял его за букву «л». Далее от слова «инага» он отсоединил букву «и» и присоединил её к букве «л». Получилось название реки в родительном падеже – «Поротли». В целом же фраза источника приобрела в копии Бантыш-Каменского такой вид: «Новый городокъ на устѣ Поротли ная мѣста Рязаньская». В слове «оустъ» архивист прочел «ѣ» вместо «ь», а присоединив к букве «л» букву «и» из слова «инага», сделал бессмысленным набор букв «ная». Показательно также, что буквы «ли» Бантыш-Каменский брал из начала 30 строки, но утрата окончания слова «Порот» приходилась на конец строки 29, а не на начало следующей строки, что ускользнуло от его внимания. Тем не менее он перенёс окончание «ли» и во второе завещание Ивана Ивановича, а в «Древней российской вивлиофике» под влиянием копий Бантыш-Каменского было напечатано «Новый городокъ на устѣ Поротлиная, мѣста рязаньская» (первое завещание Ивана Ивановича) и «Новый городокъ на устю Паротли, старинная мѣста Рязанская» (второе завещание Ивана Ивановича).

Когда в начале XIX в. было решено переиздать завещания Ивана Ивановича по подлинникам, то сотрудники канцлера Румянцева обратились к рукописным копиям этих завещаний Бантыш-Каменского, полагая, что они были сняты тогда, когда грамоты находились в лучшем состоянии, чем в их время. В результате чтение «Поротли» было помещено в текст обеих душевных грамот Ивана Ивановича. При этом вместо букв «ная», как было в копии первого завещания Ивана Ивановича Н.Н. Бантыш-Каменского, в 1813 г. было правильно напечатано «а иная», как читалось в подлиннике.

Ошибку сотрудников канцлера Румянцева повторил в 1950 г. Черепнин, внося название несуществующей реки в текст завещаний Ивана Ивановича и (даже в двух видах!) в «Указатель географических названий» к своей публикации, о чём шла речь ранее.

Приведённый пример наглядно демонстрирует, что первые издатели старались не оставлять пустых мест в публикуемых грамотах, пытаясь различными способами восстановить исчезнувшие тексты, но делали это, не объясняя своих приёмов, а последние не всегда были правильными. Совершенно очевидно, что механические утраты текста в первой душевной грамоте Ивана Калиты и во второй душевной грамоте Ивана Ивановича существуют теперь так же, как существовали они и в XVIII в. А отсутствие пробелов в изданиях XVIII–XIX вв. этих грамот объясняется тем, что эти пробелы были заполнены издателями. Последние публиковали в «Древней российской вивлиофике» и в «Собрании государственных грамот и договоров», по сути, неоговоренные реконструкции грамот. В итоге учёный мир при изучении завещаний московских князей XIV в. пользовался восстановленными, причём иногда ошибочно, текстами, совершенно не подозревая об этом.

Откуда же брали первые издатели материал для реконструкции утраченных текстов? Для самого позднего из перечисленных княжеских завещаний XIV в. – второй душевной грамоты 1389 г. Дмитрия Донского – вопрос решается просто. Существует копия этой грамоты, сделанная в XV в. на листе бумаги



с водяным знаком «корона», датированным 1430 г. По-видимому, это тот самый список с душевной грамоты 1389 г. Дмитрия Донского, который возил в 1431 г. в Орду второй сын Дмитрия Юрий Звенигородский и Галичский, надеясь получить там от хана великое княжение. Наличие такой копии позволяет достаточно уверенно восстанавливать утраченные слова и буквы в оригинале грамоты 1389 г., хотя правый край бумажного листа копии сильно обветшал и имеет утраты на всём протяжении.

Для завещаний Ивана Калиты и Ивана Ивановича источниками воссоздания их текстов являются сами эти грамоты. Если утрачен текст, например, в первой душевной грамоте Ивана Калиты, то его можно восстановить по второй его душевной грамоте, и наоборот, что утрачено во второй грамоте, восстанавливается по первой. Именно так Бантыш-Каменский и сотрудники канцлера Румянцева сумели закрыть большую лакуну в строках 33–45 первого завещания Калиты. Однако такая реконструкция возможна только в том случае, если тексты двух грамот совпадают перед лакуной в одной из них и после неё. Если же лакуны приходятся на одно и то же место двух грамот, то реконструкция осуществляется с помощью аналогичных или сходных формул других грамот, а если нет и таких формул, то реконструкция становится невозможной, что показывает разобранный выше пример с названием «Поротля». Нельзя правильно восстановить текст и в тех случаях, когда между двумя грамотами есть расхождения. Например, в статье 2 первого завещания Ивана Калиты указывается, что старший сын Симеон после смерти отца должен получить «Коломъну со всеми коломеньскими волостми, Городенку, Мъзыню, Пъсочну, Похра~~не~~...». В той же статье 2 второго завещания Ивана Калиты текст иной: «Коломну со всеми колом[ен]скими вол(о)стьми, Городенку, Мъзыню, Пъсочну и Середокоротну, Похра~~не~~...». Очевидно, что если бы в одной из грамот текст между словами «Мъзыню» и «Похра~~не~~» был уничтожен, то правильно реконструировать его было бы нельзя. Точно так же нарушение порядка слов в статье 7 завещаний Ивана Ивановича («сел(о) Дѣмонтовское, сел(о) Андрѣевское, сел(о) Кариньское, сел(о) Козловское, сел(о) в Замошьской свободѣ, сел(о) Выславское, сел(о) Кузминьское» – первое завещание Ивана Ивановича и «сел(о) в Замошьской свободѣ, сел(о) Выславское, [село К]узми[ньское], сел(о) [Дѣмонто]вское, сел(о) Андрѣевское, сел(о) Кариньское, сел(о) Ко[зловское]» – второе завещание Ивана Ивановича) при более значительных утратах текста в последнем завещании Ивана Ивановича (например, полном уничтожении названий «Кузминьское», «Дѣмонтовское» и «Козловское») не давало бы возможности корректно восстановить исчезнувший текст.

Что касается завещания Симеона и первого завещания Дмитрия Донского, то никаких копий этих грамот или параллельных им текстов не сохранилось. Восстановление испорченных в них мест возможно только на основе анализа сохранившихся букв и привлечения для реконструкции утраченного текста элементов и оборотов, содержащихся в других завещаниях московских князей XIV в.

Проведённая Н.Н. Бантыш-Каменским, Н.И. Новиковым, сотрудниками канцлера Н.П. Румянцева работа по устранению дефектов текста в первой и второй душевных грамотах Ивана Калиты, в первой и второй грамотах Ивана Ивановича, а также в первой грамоте Дмитрия Донского, лишённая каких-либо пояснений и оговорок, создавала впечатление большей цельности опубликованных источников. На деле же это была реконструкция, причём не всегда об-

думанная, чаще всего сводившаяся к механическому переносу сохранившегося текста на место утраченного.

Так, статья 6 первого завещания Ивана Калиты заканчивается следующим образом: «**И**синовьско...ое, село Ногатинское». Перед буквами «ое» утрачен фрагмент пергамента размером 80 мм. На таком пространстве должно было размещаться 16–17 букв. В той же статье второй душевной грамоты Ивана Калиты текст сохранился полностью: «**И**синовьское, село Коломнинское, село Ногатинское». В «Древней российской вивлиофике» и в «Собрании государственных грамот и договоров» текст статьи 6 первого завещания Калиты был дополнен буквами «е село Коломнинск». Эти 15 букв были взяты из его второй душевной грамоты. Но в первой грамоте на утраченном пространстве должно было размещаться на 1–2 буквы больше. Поэтому следует реконструировать скорее «Коломниньск», а не «Коломнинск», введя букву «ь», как такая буква читается в слове «Ногатинское».

В первом завещании сына Калиты Ивана в статье 6 в конце строки 13 и в начале строки 14 текст сохранился в таком виде: «а по ее жив... Дмитрюю». От букв «жив» до слова «Дмитрюю» утрачен пергамент общим размером 64 мм, где могло разместиться 15–16 букв. Во втором завещании Ивана Ивановича в данном месте читается «по ее животѣ тѣ волости и села с(ы)ну моему, кнѧз(ю) Дмитрюю». Издатели «Древней российской вивлиофики» и «Собрания государственных грамот и договоров» лакуну в первом завещании Ивана Ивановича заполнили сохранившимся текстом второго завещания. Л.В. Черепнин в 1950 г. в «Духовных и договорных грамотах» ограничился перенесением в первое завещание только букв «отѣ» и слов «тѣ волости сыну моему, кнѧзю», опустив слова второго завещания «и села». Однако самая меньшая по числу букв реконструкция Черепнина насчитывает 26 букв. Она оказывается на 10–11 букв больше объёма утраченного текста. Очевидно, слова «тѣ волости» в первом завещании Ивана Ивановича не читались.

В конце той же статьи 6 первой душевной грамоты Ивана Ивановича текст также отсутствует: «за кнѧгинью за М(а)рь(е)ю села, т... живота, а по ее животѣ тѣ села с(ы)ну моему, кнѧз(ю) Дмитрюю». Прямой параллели приведённым словам во второй душевной грамоте Ивана Ивановича нет. Но по логике процитированных оборотов следует, что в утраченном отрывке речь шла о владении княгиней Марьей сѣлами до конца жизни. После её смерти владельческая принадлежность сѣл должна была стать иной. Публикаторами XVIII–XX вв. пропуск заполнялся буквами «ѣ до ее», т.е. «тѣ до ее живота». Однако между буквой «т» и словом «живота» утрачен фрагмент пергамента размером 41 мм, где могло разместиться 9–10 букв. Реконструкция же состоит всего из 5 букв. Скорее всего, за словом «тѣ» читалось слово «села», которое и заполняет собой пробел в 4–5 букв.

В статье 13 второго завещания Ивана Ивановича на слове «княгини» прерывается текст строки 36 грамоты. Утрачен фрагмент пергамента размером 20 мм, где может разместиться 4–5 букв. Окончания расположенной выше строки 35 и расположенной ниже строки 37 также утрачены, и размеры утрат в них тоже составляют по 20 мм. Но умещаются в этих утратах слова не в 4, а в 5 букв, соответственно «мѣсто» и «своеи», восстанавливаемые на основании первого завещания князя Ивана. Очевидно, в конце строки 36 размещалось слово или слова в 5 букв. Восстановить эту потерю по первому завещанию Ивана Ивановича можно лишь отчасти, потому что окончания статей 13 в обоих за-

вещаниях разнятся: «в то мѣсто и княгини подѣлѣтсѧ безъпеньными мѣсты» (первое завещание) и «и княгини... мѣсто подѣлѣтсѧ безъпеньными мѣсты» (второе завещание). Тем не менее во всех изданиях XVIII–XX вв. лакуна во второй душевной грамоте Ивана Ивановича восполнялась текстом первой грамоты – «в то». Но восполненными оказываются только 3 буквы из 5. Поэтому предпочтительней оказывается реконструкция «моѧ в то» («княгини [моѧ в то] мѣсто»), что точнее соответствует размеру утраты и определению княгини в предшествующей статье 12 грамоты.

Наоборот, в статье 14 второго завещания Ивана Ивановича существующую реконструкцию текста приходится не расширять, а сужать. В указанной статье текст сохранился в таком виде: «Лысце[вско]е... Москвѣ селце Семциньское». Между второй буквой «е» в слове «Лысцевское» и буквой «м» («Москве») утрачен фрагмент пергамента размером 6 мм, где может разместиться 1–2 буквы. Левая часть первой буквы сохранилась. Лакуна заполняется предлогом «на» по тексту первого завещания Ивана Ивановича, где читается «Лысцевское, сел(о) Семциньское на Москвѣ». Неоговоренная реконструкция «да на», воспроизведённая во всех изданиях грамоты XVIII–XX вв., неприемлема, поскольку для предлога «да» в грамоте не находится места.

В сильно попорченной первой душевной грамоте Дмитрия Донского в строках 14 и 15 читается следующий текст: «а к с(вѧ)теи Б(огороди)ци на Круцицю чет...ломеньское, а костки московские к с(вѧ)тѣ Б(огороди)ци». В строке 14 после букв «чет» текст до конца грамоты на пространстве 55 мм не читается. Сразу за этой утратой в начале строки 15 читаются буквы «ломеньское». Статьи 28 обоих завещаний отца Дмитрия великого князя Ивана Ивановича зафиксировали пожертвование завещателя: «ис тамги ис коломеньское четвертую часть дал есмь к с(вѧ)тѣи Б(огороди)ци на Крут[ицю со]бѣ в памѣть». Поэтому сохранившиеся буквы «ломеньское» должны быть дополнены буквами «ко», с которых в строке 14 начиналось слово «коломеньское». Перед этим определением должно было читаться определяемое слово, и, судя по завещаниям Ивана Ивановича, это слово «тамга». Что же было утрачено после букв «чет»? Бантыш-Каменский, Новиков, сотрудники канцлера Румянцева, Черепнин восстанавливали текст на основании завещания Ивана Ивановича: «четвертую часть». Но поскольку в строке 14 на 55 мм утраты может разместиться 9–10 букв, а 7 из них уже восстановлены, то окончание слова с сохранившимися начальными буквами «чет» не может состоять из 11 букв, как полагали публикаторы XVIII–XX вв. Слово с начальными буквами «чет» может быть реконструировано только как «четв(е)рть» с выносной буквой «в» и буквами «рть» в строке. Эти 3 буквы как раз соответствуют оставшемуся количеству утраченных букв.

Приведённые примеры делают очевидными два заключения. Во-первых, если механически воспроизводить только сохранившийся текст княжеских завещаний XIV в., то он читаться не будет. Вместо слов, связанных в предложении, во многих случаях будут части слов и даже отдельные буквы, а иногда не будет даже их. Текст потеряет смысл. Поэтому, и это во-вторых, при публикации грамот утраченный текст необходимо восстанавливать. Однако реконструкция утраченного текста в каждом конкретном случае требует предварительного точного установления размеров утраты, расчёта количества исчезнувших букв и только потом обращения к параллельным или близким текстам, если они сохранились, для заполнения лакун.

При этом определение количества утраченных букв в грамотах имеет свою специфику. Писцы оригиналов княжеских завещаний обычно фиксировали верхнее и нижнее поле документов, а также левое поле пергаментного или бумажного листа, от которого они начинали письмо. Поэтому начала строк в грамотах шли по одной вертикальной линии. Правое же поле фиксировалось не всегда, и окончания строк могли как доходить до поля, так и не доходить до него или же заполнять поле. Писцы старались, чтобы строка оканчивалась на целое слово, а потому к концу строки уплотняли письмо, чтобы поместить такое слово. Случаи разгонки текста в конце строки очень редки. Уплотнение письма приводило к тому, что на одном, например, дециметре пергамента или бумаги размещалось больше букв, чем в начале или в середине строки. Более всего грамоты разрушались по краям. Но верх, низ и левый край грамоты портились меньше, поскольку сначала разрушению подвергались не имевшие текста поля. Более всего страдал правый край грамоты и окончания строк текста. Точный промер в миллиметрах существующих там утрат вполне осуществим, а такой же промер в количествах букв вызывает затруднение. Ведь по сути приходится прибегать к аналогиям и подсчитывать, сколько букв могло уместиться на утраченном фрагменте пергамента или бумаги на равном ему по размеру сохранившемся тексте, но не уплотнённого, а свободного письма. Последнее обстоятельство влияет на точность подсчётов, делает их несколько относительными. Проведённая работа по определению размеров утраченных фрагментов и количеству исчезнувших букв в завещаниях Ивана Калиты и Ивана Ивановича показала, что обычная погрешность составляет 1–2 буквы на фрагмент размером от 20 мм, а максимальная – 3 буквы. Более высокая погрешность заставляет думать о том, что текст в параллельных грамотах был несколько иным, и его нельзя восстанавливать путём прямого переноса сохранившегося текста на место исчезнувшего. Реконструированный текст при публикации должен отделяться от сохранившегося и заключаться, как принято, в квадратные скобки.

Отмеченная ранее инверсия текста в окончании статьи 7 двух завещаний Ивана Ивановича позволила установить, что считавшаяся долгое время первой душевная грамота Ивана Ивановича на самом деле списана с другой его грамоты, где текст «сел(о) в Замошьской свободѣ» находился в середине строки под текстом «сел(о) Дѣмонтовское». Писец второй грамоты в процессе работы перенёс взгляд с верхней строки на то же самое место строки, расположенной ниже, и продолжил свой перечень сёл с села в Замошьской слободе. Он увидел ошибку и, дописав текст о сёлах до конца, вернулся к пропуску, скопировав текст в той последовательности, что была в лежавшей перед ним грамоте, но поместив этот текст в конце перечня своего экземпляра грамоты. В данном случае расположение слов в строчках позволяет решить важную задачу старшинства грамот. Таковы рекомендации относительно того, как следует издавать тексты княжеских договоров и завещаний XIV – первой трети XVI в.